

Это правда, голубка моя,
что уходишь, уходишь ты
в то село на краю земли,
из которого нет пути?

Для чего же мне жить теперь?
Потерял я голубку мою,
я оплакал счастье мое
и любовь. Для чего мне жить?..

(«Разлука»)

В наши дни, когда возрождаются к новой, свободной жизни угнетаемые веками, обездоленные народы, крестьяне-кечуа с новой силой выступают в защиту своих прав. В стихах современных кечуанских поэтов настроения фатальной обреченности сменяются призывом к борьбе, надеждой на свободу и счастье. Вот так, например, пишет об этом Андрес Аленкастре Гутьеррес¹ в стихотворении «Иллимани». Он обращается к великому Иллимани — горной вершине, увенчанной вечными снегами, которая вот уже сотни лет оплакивает страдания своих детей, и слезы ее горными потоками сбегают по склонам:

Иллимани, бог всемогущий,
Крепость снежная, каменный остров.
На вершину твою взойдет
Человек великий, избранный,
что мир обновит.
И рога морского песнь
Пробудит народы...

В последние десятилетия поэзия кечуа получила заметное развитие. Появляются новые поэты, пишущие на кечуа, издаются сборники стихов, идет процесс становления литературного языка, хотя и тормозящийся дискриминацией, имеющей место в определенных литературных кругах андских стран. Однако нет сомнения, что этот язык, на котором когда-то говорили в империи инков и называли его «руна сими», что значит «язык человека», имеет свое будущее, так же как и народ, говорящий на нем.

Т. ГОНЧАРОВА

ПРОЩАНИЕ С ИЛЛЮЗИЕЙ

Eudora Welty. *The Optimist's Daughter*. New York, Random House, 1972.

Пидцать с лишним лет назад, в самом начале литературной карьеры Юдора Уэлти говорила: «Мне трудно себе представить, что рассказы писателя могут быть объединены в целое чем-либо иным, кроме разве лирического чувства». С той поры немало было написано ею произведений — новелл, романов, и все они действительно были пронизаны единым чувством, единым настроением, единой интонацией — тихой, задумчивой, чуть сентиментальной.

¹ Отрывок из его поэмы о Ленине был опубликован в русском переводе в журнале «Иностранная литература» № 4, 1970 г.

Может, поэтому и мир, возникающий под пером Ю. Уэлти, носил несколько призрачный, туманный, потусторонний характер. Впрочем, и правда, населяли его словно бы призрачные люди, люди, чьи жизненные соки поддерживались легендой о старом и благородном американском Юге. Люди, не умеющие и не желающие найти себе места в мире реальном, грохочущем, противном человеческой совести и поэзии, миром, населенном торгашами.

За долгие годы работы в литературе Ю. Уэлти отточила мастерство, завоевала негромкую, но прочную известность. И все же чем дальше, тем очевиднее становилась недостаточность ее писательской позиции. Неприятие расхожих норм буржуазной морали заставляло ее жестко ограничивать рамки того пространства, на котором действуют — а больше предаются абстрактным чувствованиям — ее персонажи: писательница как бы тревожится, что проникновение внешних сил может нарушить их нравственную цельность. Изображения действительных конфликтов современности Ю. Уэлти принципиально избегала.

Но тем-то и привлекательно искусство, что оно непрогнозируемо: в последнем романе, «Дочь оптимиста», Ю. Уэлти в известной степени подвергает ревизии прежние свои идеи и представления.

Я вовсе не хочу сказать, что писательница изменяет выработанной литературной манере. Роман «Дочь оптимиста» проникнут той же чуть тоскливой лиричностью, что и прежние ее сочинения. И в самой интонации книги, в самом звучании слова уже заключена история жизни, да и смерти, героев — старого судьи Клинтона Маккелвы, его первой жены Бекки, его дочери Лорел, единственного оставшегося в живых члена старой южной семьи, чьи предки, упрямо цепляясь за отжившие, самой историей обреченные формы существования, сражались на стороне конфедератов в годы Гражданской войны.

Традиционно — не только для Ю. Уэлти, но и для всей школы «южного романа», к которой она принадлежит, — и то ощущение духовной близости прошлого, что стойко присутствует в «Дочери оптимиста». Действие книги захватывает ограниченный отрезок времени: последние дни старого судьи, похороны, отъезд дочери из фамильного дома. Но здесь уместается вся долгая история определенной социальной группы людей, потомков старой южной аристократии.

Это ощущение неразрывности времени порой прорывается в книге прямым словом: «Неведомыми колебаниями мозга прошлое могло замещаться будущим, но правда сердца все равно оставалась неизменно». Воспоминания для героев книги — не мертвый груз прошлого, это живой опыт настоящего, более того, это надежда на будущее. Может, поэтому так жалко и трогательно цепляется Лорел за старую, выщербленную доску для нарезания хлеба — в свое время она была подарена ее матери мужем Лорел, погибшим на войне. Ничто ведь, кроме воспо-

минаний — давних, передаваемых из поколения в поколение, и близких, личных, — не объединяет этих, как говорит сама героиня, «беспомощных» людей.

Но достаточна ли сила воспоминаний, чтобы удержать этих людей от распада, не иллюзорна ли надежда обеспечить прошлым настоящее? Раньше такими вопросами Ю. Уэлти не задавалась; теперь же они ставятся в центр повествования.

А раз так, приходится размыкать казавшиеся незыблемыми границы того условного мира, к которому мы уже привыкли по прежним книгам писательницы. И сразу же в книге возникает столкновение между духовностью, идеалами красоты, между человечностью — и воинствующей бездушностью, аморализмом, свойственным «обществу потребления». Конечно, и тут Ю. Уэлти трудно покинуть привычные, хорошо освоенные географические и духовные пределы, преодолеть влияние истории американского Юга. Даже не самой истории, а того облика, который она получила в сознании многих американцев-южан.

Не желая и не умея понять истинных причин поражения конфедератов в Гражданской войне, идеологи старого Юга попытались взять реванш в сфере нравственной, духовной. Сразу же после 1865 года возникла и со временем обрела широкую популярность легенда, согласно которой в этой войне побежденным оказался не социально-экономический строй жизни на американском Юге, а идеалы благородства, рыцарства, красоты, издавна-де свойственные южанам: они будто бы не выдержали давления индустриального Молоха Севера. Эта легенда во многом составила идейную основу всей школы «южного романа»; платит ей внушительную дань и Ю. Уэлти. Способность истинной человечности, по ее мнению, могут обнаружить только коренные южане — семейство Маккелвы, — и ей дела нет до настоящей, а не мифологизированной истории этого семейства.

Традиционны в романе и силы, которые сталкиваются в конфликте с родом Маккелвы: те фермеры из юго-восточных штатов, нувориши своего рода, которые принесли на Юг дух буржуазного накопительства. Воплощена эта новая социальная сила в фигурах Фэй, второй жены героя, и многочисленного и шумного клана ее родственников, как стервятники слетевшихся к телу умершего судьи. Но здесь-то и ослабевают власть традиции.

Грубая, бестактная, торжествующе-пошлая Фэй (она даже не понимает, что ее поведение, ее ужимки у кровати больного только приближают конец мужа) представляет не просто конкретно-исторический, притом достаточно ограниченный, общественный слой; в ее фигуре отразилась стереотипность мышления и чувство современного «среднего» буржуазного человека, его нравственная пустота, омертвление духовных центров. Фэй, как сказали бы нынче социологи на Западе, — это «героиня потребления».

Иными словами, Ю. Уэлти написала роман, не прямо, но все-таки достаточно очевидно связанный с социальным состоянием Америки наших дней. И не важно, что заключен он в рамки довольно заурядной семейной истории, что общественно значимые события современной американской жизни остаются здесь за кадром.

Тут ведь надо принять во внимание, что социальный роман наших дней развивается по разным направлениям. Принцип широкопанорамного показа событий, многогеройного повествования, конечно, никак не утрачивает своей действенности. Джон Уэйн в романе «Зима в горах»¹ показывает непосредственное столкновение социальных интересов людей, тут на наших глазах совершается трансформация мышления героя, его общественного самосознания: ученый-книжник превращается в активного деятеля. Но вот перед нами другой роман — «Один летний сезон» соотечественницы Уэйна М. Дрэбл. Всего-то здесь показано несколько эпизодов из нескладной семейной жизни молодой супружеской пары: муж, самовлюбленно поглощенный своими театральными делами, молодая жена, обремененная детьми, — скучноватый и вполне банальный адюльтер. Но в тривиальном сюжете заключено серьезное современное содержание: будничная жизнь героини есть непрекращающийся, хотя и бессильный, хотя и нарушаемый постоянными компромиссами, протест против безличности, стандартности буржуазного, обывательского существования, попытка противопоставить ему духовную свободу живой человечности.

Подобный конфликт — тоже в камерных, семейных формах — воплотила в своем новом романе и Ю. Уэлти. Романистка разомкнула рамки герметически закрытого некогда существования своих персонажей, отказалась от наивной веры в непробиваемую его защищенность от внешних влияний, которые и в расчет-то раньше не принимались — как будто их и не существовало.

Разумеется, симпатиям своим и антипатиям Ю. Уэлти остается безраздельно верна. Нежная привязанность к старому судье и его дочери только обостряет ее отвращение к Фэй, женщине, лишенной способности чувствовать, человеку на редкость примитивному, существующему на уровне элементарно средних эмоций и идей.

Особенно очевидно это различие — не столько индивидов, сколько воплощенных в них моделей бытия — обнаруживается в финале повествования, когда Лорел покидает опустевший дом Маккелвы и в нем безраздельно воцаряется Фэй. Героини говорят на разных языках, они не в силах понять друг друга — потому именно, что Фэй «была лишена всякой силы страсти и воображения и

¹ Роман Дж. Уэйна был опубликован в «Иностранной литературе» №№ 5—7 за 1972 год.

не могла увидеть эту силу в других людях. Внутренняя жизнь других людей оставалась для нее недоступной. Чтобы войти в контакт с ними, ей ничего не оставалось, как только наугад молотить своими маленькими кулачками по воздуху... или просто плюнуть на удачу. Она не в состоянии была ни бороться с живыми людьми, ни любить их».

Да, привязанностям своим, антипатиям своим Ю. Уэлти не изменяет. Более того, чтобы резче подчеркнуть их, отказывается даже, как видим, от привычной, лирически-неопределенной интонации. выдает идею, что называется, открытым текстом. Фэй и ее окружение вызывают у автора нескрываемую иронию.

Но расширение художественного взгляда на мир неизбежно влечет за собой и некоторую переоценку устоявшихся представлений. К глупым претензиям Фэй — «Я принадлежу будущему» — автор, конечно, относится совершенно саркастически, но, с другой стороны, не может и не видеть реальности и опасности существования таких, как Фэй. Одно признание влечет за собой другое. Ю. Уэлти, похоже, не верит более, что моральная чистота, благородство мысли, аристократическая утонченность чувств могут обеспечить человеку не только победу во враждебном ему мире, но и просто по-

койное существование. Даже легкое прикосновение к этому идеалу писательницы иностранного тела обнаружило его нестойкость, непрочность. Разумеется, прощание с иллюзией происходит трудно, драматично порой. И послушно откликается на этот переход прежде всего слог повествования Ю. Уэлти: плавная, воздушная череда слов то и дело прерывается нотами резкими, грубыми, определенными. Конфликт обозначается уже самой интонацией романа.

Не надо делать широковещательных выводов и прогнозов: вот, мол, произошло, наконец-то, расставание с иллюзиями, в следующем романе будет сделан шаг к обретению реальных нравственных ценностей. Именно боль расставания, столь ясно ощутимая в художественной ткани «Дочери оптимиста», удерживает от подобных поспешных заключений.

Но одно соображение напрашивается, помоему: социально и нравственно конфликтный мир современной Америки сталкивает художника с задачами, просто отвернуться от которых, становится все менее возможно. И это уже имеет отношение к творчеству не одной только Юдору Уэлти, но и ко всей нынешней американской прозе.

Н. АНАСТАСЬЕВ

